

ВЛАДИМИР (ЗЕЭВ) ХАНИН
Бар-Иланский университет,
Ариэльский университет в Самарии
zeevkh@gmail.com

Израильская диаспора в Украине: структура, динамика и идентичность

Введение

Одной из примет нашего времени стало появление так называемых «новых этнических диаспор», которые стали итогом массовых межгосударственных миграций – как прямых, так и возвратных – особенно интенсивных после Второй мировой войны. Члены этих диаспор, в отличие от мигрантов предыдущего поколения, не спешат растворяться в социокультурной среде принимающих сообществ, а достаточно долго, иногда на протяжении поколений, сохраняют многообразные социальные, культурные, идентификационные и даже политические связи со странами исхода¹.

Еврейский мир также не остался в стороне от этих процессов. Важным событием последних десятилетий стало появление двух новых транснациональных еврейских диаспор: израильской и русско-еврейской. Обе эти группы, несомненно, стали заметным фактором современной еврейской жизни и важным элементом многокультурной мозаики внутри еврейских коллективов стран пребывания и их обществ в целом.

При том, что еврейской эмиграции из Израиля и возникшей за его пределами «израильской диаспоре» (термин, который в научный оборот ввел Стивен Гольд)² посвящена довольно обширная научная литература, а «всемирное рус-

---

¹ Gabriel Sheffer, “The Emergence of New Ethno-National Diasporas,” in *Sociology of Diaspora: A Reader*, ed. by Ajaya Kumar Sahoo and Brij Maharaj (New Delhi: Pawat Publications, 2007), 1:43–62; Peter J. Kivisto and Thomas Faist, *Beyond a Border: The Causes and Consequences of Contemporary Immigration* (Thousand Oaks, CA: Pine Forge, 2010).

² Steven Gold, *The Israeli Diaspora* (London: Routledge, 2002). См. также: Rina Cohen, “Israeli Diaspora,” in *Encyclopedia of Diasporas. Immigrant and Refugee Cultures Around the World*, ed. by Melvin Ember et al. (New York: Springer, 2005), 1:136–143.

ско-еврейское сообщество» также стало объектом ряда фундаментальных работ³, общий компонент этих диаспор — эмигрантские сообщества русскоязычных израильтян — пока очень малоизучен.

Речь идет как о тех уроженцах (бывшего) СССР, которые в составе израильской миграции оказались в странах Запада, так и в особенности об участниках «возвратной миграции» на постсоветское пространство. В академической литературе существует некоторое количество информации о русскоязычных израильтянах в разных странах Запада, и крайне немного — об израильтянах в странах бывшего СССР⁴. Что же касается украинского сегмента этой диаспоры, то его до недавнего времени исследователи почти вообще не изучали. (Единственным известным нам исключением является исследование израильтян в Одессе, которое провела украино-британский антрополог Марина Саприцкая⁵.) Исследование, которое легло в основу этой статьи, было призвано заполнить этот пробел.

Его совместно провели Центр еврейского образования в диаспоре им. Лукштейна (Университет Бар-Илан, Израиль) и Институт иудаики НаУКМА при поддержке Министерства алии и абсорбции Израиля и Евразийского еврейского конгресса. В ходе этого исследования в два «раунда» (в начале 2009 и в конце 2011 гг.) методом стандартизированного интервью было опрошено соответственно 167 и 147 респондентов из числа израильтян, с разной степенью постоянства живущих в Украине⁶. При этом нам представлялось верным сравнить сообщества русскоязычных израильтян в Украине с сопоставимыми с ними по базовым параметрам контрольными группами, прежде всего — с израильтянами, живущими и/или работающими в России⁷.

---

³ Eliezer Ben-Rafael et al., *Building a Diaspora: Russian Jews in Israel, Germany and the USA* (Laiden—Boston: Brill, 2006); Larissa Remennick, *Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration, and Conflict* (New Brunswick: Transaction Publishers, 2012); Vladimir (Ze'ev) Khanin, "Russian-Jewish Ethnicity: Israel and Russia Compared," in *Contemporary Jewries: Convergence and Divergence*, ed. by E. Ben-Rafael, Y. Gorny and Y. Ro'I (Leiden—Boston: Brill, 2003), 216—234.

⁴ Подробный обзор работ на эту тему см.: Владимир (Зеэв) Ханин, "Введение: израильтяне, 'русские' и русские израильтяне: современный мир новых транснациональных еврейских диаспор", в *Израильские, русско-израильские и русско-еврейские диаспоры: общее и особенное*, под ред. Владимира (Зеэва) Ханина (Москва: Спецвыпуск журнала "Диаспоры", 2014), 6—9.

⁵ Marina Sapritsky, "Home in the Diaspora? Jewish Returnees and Trans-migrants in Ukraine" (paper presented at the International Conference "Contemporary Russian-Speaking Jewish Diaspora," Harvard University, November 13—15, 2011).

⁶ Опросы проводились под руководством соответственно Элиэзера (Альберта) Фельдмана и Александра Стегния, который также был автором полевого отчета. См.: Александр Стегний, *Израильтяне в Украине. Аналитический отчет по результатам опроса респондентов 2009—2011 годов* (Киев: Центр исследований истории и культуры восточноевропейского еврейства, 2011).

⁷ Данные об израильтянах в России приводятся по исследованию: Vladimir (Ze'ev) Khanin, Vevl Chernin and Alek D. Epstein, *Kehilot ha-israelim ba-brit ha-moetsot le-sheavar: Ha-diiukan ha-hevrat-tarbuti shel kivunei ha-hagira. Mekhkar haluts* (Ramat-Gan: Merkaz Rappaport, March 2010).

Общая характеристика исследуемой группы

По данным Министерства абсорбции и ЦСБ Израиля, из примерно 1,023,000 евреев и членов их семей, которые по состоянию на декабрь 2013 г. прибыли в Израиль из (бывшего) СССР, за тот же период страну покинули 105,000, или 10,2%, представителей «алии 90-х». К этому числу следует прибавить еще примерно 40–50 тыс. русскоязычных израильтян, живущих «на две (или три и больше) страны». То есть тех, чей «фокус жизни», несмотря на отсутствие формального статуса *йордим* (эмигрантов из Израиля), находится за границей – как правило, в бывшем СССР, в меньшей степени – в Европе (в основном, Германии и Австрии). Вместе с примерно 20 тыс. представителей «алии 70-х» и их потомков, эмигрировавших из Израиля в течение последних 30 лет, общее число граждан, которые считают себя «русскоязычными израильтянами» и с разной степенью постоянства живут за пределами страны, составляет 160–180 тыс. человек⁸.

Основываясь на имеющейся информации, можно предположить, что примерно половина из них реэмигрировала в бывший СССР, остальные отправились в страны Запада: США, Канаду и, в меньшей степени, страны Евросоюза. Так, из 209 рожденных в СССР израильтян, которые оказались среди участников глобального интернет-опроса живущих за границей граждан Израиля (его на рубеже 2009–2010 гг. провели социологи Узи Ревхун и Исраэль Попко), 45.19 жили в бывшем СССР и 54.9% – в других странах⁹. Если данные этого опроса отражают реальную картину, то число «русских израильтян» в СНГ должно составлять порядка 45–47 тыс. человек. Другие экспертные оценки числа израильтян, живущих в постсоветских странах, варьируются в чрезвычайно широких пределах: от 14–28 тыс. до 70 тыс. в одной только России¹⁰.

Столь же различны и оценки численности израильтян в Украине. Дани Гехтман, который на тот момент был директором представительства Американского еврейского объединенного распределительного комитета («Джойнт») в Киеве, утверждал, что в 2004 г. в Украине постоянно проживало порядка 9 тыс. обладателей израильских паспортов, в большинстве своем – в столице¹¹. Согласно данным, которые со ссылкой на «иммиграционные органы Украины» привел президент Ассоциации еврейских организаций и общин (Ваада) Украины Иосиф Зиссельс, в 2011 г. таких лиц было уже почти 20 тыс.¹² Учитывая, что по-

⁸ Данные Министерства алии и абсорбции Израиля.

⁹ Uzi Revhun, Israel Popko, *Rekhokim krovim: ha-hagira, hizdahut yehudit ve-zika le-moledet bakerev israelim ba-huts la-arets. Duakh mekhar* (Jerusalem: Makhon la-yahadut zmaneinu al shem Hartman, July 31, 2010).

¹⁰ См. обзор дискуссии на эту тему в статье: Владимир (Зеэв) Ханин и Алек Эпштейн, «Израильтяне в России: социальная демография и идентичность», *Диаспоры* 2 (2010): 216–240.

¹¹ Sue Fishkoff, «Tales from the Pale. Russian Jews Returned from Israel Help Galvanize Jewish Community Life», *Jewish Telegraph Agency (JTA)*, August 27, 2004, <http://www.jta.org/2004/08/27/archive/tales-from-the-pale-russian-jews-returned-from-israel-help-galvanize-jewish-community-life-2>.

¹² Мое интервью с И. Зиссельсом, Иерусалим и Киев, февраль 2011 г.

сле пика в 2003–2004 гг. русско-израильская эмиграция резко пошла на убыль¹³, сложно предположить, что в 2004–2011 гг. к сообществу израильтян в Украине ежегодно присоединялись тысячи новых иммигрантов из еврейского государства. Скорее, двукратный оценочный рост сообщества в эти годы следует отнести на счет различий в определениях и демографическом инструментарии, которыми пользовались упомянутые эксперты.

Характерно, что тогдашний посол Израиля в Украине Реувен Дин-Эль в интервью местной газете в 2013 г. вообще говорил, что в этой стране «каждую минуту находится 45 тыс. израильтян». Но он же подчеркнул, что речь идет и о постоянно живущих там гражданах Израиля, и о наезжающих бизнесменах, которые реализуют совместные проекты, и о тех, кто приехал посетить родственников, и о туристах, число которых удвоилось после отмены визового режима¹⁴ (надо полагать, именно последние и составляют абсолютное большинство «израильтян в Украине»).

Как и в других подобных случаях, отсутствие надежной статистической информации о количестве и размещении израильтян на территории страны не позволяло построить классическую репрезентативную квотную выборку. Поэтому оптимальным для этой целевой группы методом выборки представлялся «снежный ком» (the “snowball method”), который в данном случае основан на межличностной коммуникации респондентов. В итоге респонденты из Киева составляют 59 % всех опрошенных, и еще 41 % респондентов-израильтян проживают в восьми областных центрах Украины: Днепрпетровске, Донецке, Харькове, Киеве, Одессе, Запорожье, Николаеве, Херсоне и Львове.

В гендерной плоскости среди участников нашего опроса преобладают мужчины, а среди возрастных групп наибольшая часть приходится на социально активную часть населения в возрасте 26–40 лет. Разница в доле возрастных когорт 19–25 и более 55 лет объясняется тем, что в ходе первого раунда были опрошены преимущественно израильтяне, живущие в крупных промышленных центрах Украины, в массе своей – трудовые и «образовательные» мигранты. А в ходе второго раунда мы в основном опрашивали жителей периферии, среди которых было много в полном смысле слова реиммигрантов, вернувшихся в свои родные места. Явный гендерный перекос (66 % мужчин и 34 % женщин), по сравнению как с еврейской общиной СНГ, так и с русско-еврейской общиной Израиля, также, насколько можно судить, соответствует реальной структуре израильской иммиграции в страны СНГ. В нашем исследовании об израильтянах, живущих в России, мужчин в выборке оказалось 57 %, женщин – 43 %.

---

¹³ Марк Тольц, “Постсоветская еврейская диаспора: новейшие оценки”, *Demoscope Weekly* 497 (2012): 21, <http://www.academia.edu/4659168/>.

¹⁴ Цит. по: Сергій Нагорний і Денис Нагорний, “Шохвилини в Україні перебувають 45 тисяч ізраїльтян”, *Газета по-українськи*, 11 червня 2013, http://gazeta.ua/articles/comments/newspaper/_sohvilini-v-ukrayini-perebuwayut-45-tisyach-izrayiltyan/501442.

По данным Ревхуна и Попко, этот перекоп был еще большим: 77,6 % на 22,4 %; думается все же, что наши данные ближе к реальности.

В то время как медианный возраст еврея в России/Украине составляет приблизительно 57–60 лет, израильтяне-иммигранты, как правило, принадлежат к более молодому поколению. Однако если израильтяне в России в среднем гораздо моложе местного еврейского населения, различия между евреями Украины, которые никуда не эмигрировали, и «возвращенцами» из Израиля — уже не столь значительны. Это показала и наша выборка, которая, судя по всему, по крайней мере в этом аспекте, оказалась достаточно представительной.

Как можно заметить, менее 10 % наших респондентов — молодые люди до 25 лет, около половины — в возрасте 26–40 лет; пятая часть — люди «продвинутого среднего возраста» 41–55 лет, более четверти — старше 55 лет. (Данные по СНГ и Балтии, которые получили в ходе упомянутого интернет-опроса израильтян за границей Узи Ревхун и Израэль Попко, именно в этом пункте оказались практически идентичными нашим российским данным¹⁵, что еще раз подчеркивает особенность состава общины израильтян-«возвращенцев» в Украине по сравнению с русско-израильской эмиграцией в других странах.)

Таблица 1. Возрастная структура выборки

Возрастная когорта	Российская выборка, %	Украинская выборка, %
Подростки моложе 18 лет (были отправлены доучиваться или вернулись с родителями)	7.7	0.7
Молодые люди студенческого возраста (19–25 лет)	13.6	8.8
Люди «раннего среднего возраста» (26–40 лет)	50.9	42.2
Люди «продвинутого среднего возраста» (41–55 лет)	20.1	19.7
Люди предпенсионного и пенсионного возраста (55 лет и старше)	7.7	28.6
Всего	100	100

Что касается образовательного уровня, то преобладающее большинство участников исследования имеют дипломы ВУЗов, что в принципе согласуется с образовательной структурой эмиграции из Украины в Израиль в 90-х гг. XX в.

Мотивация возвращения и переезда в Украину

До переезда в Украину респонденты прожили в Израиле различные периоды времени. Если в первом нашем опросе в Украине чаще всего упоминался период свыше 10 лет (38 %), то во втором только четверть участников опроса указывала этот срок пребывания в Израиле, а чаще всего упоминались кратковременные периоды до пяти или от пяти до десяти лет.

¹⁵ Revhun and Popko, *Rekhokim krovim*, 14

Чтобы определить основные причины переезда из Израиля в Украину, мы предложили респондентам перечень из 14 вариантов ответов. Ниже приведена итоговая таблица таких причин, выявленных в ходе нашего исследования, в сравнении с итогами аналогичного опроса израильтян в России. Сумма процентов по столбцам превышает цифру сто, поскольку респонденты могли назвать несколько вариантов ответа (но не более трех).

Таблица 2. Основные причины возвращения в Украину

Причины покинуть Израиль	Респонденты, которые отметили, что эта причина была одной из основных, побудивших их покинуть Израиль	
	Россия, %	Украина, %
Мне было неплохо в Израиле, но здесь намного более широкие профессиональные и творческие возможности	36.9	23.0
Причины личного и семейного характера	33.1	
Экономические трудности в Израиле	18.8	16.2
Было сделано деловое предложение, от которого было невозможно отказаться	17.5	16.2
Было трудно понять израильскую ментальность, вписаться в культурную среду	13.1	15.5
Вернулись потому, что считают Россию или Украину своей Родиной	8.8	
Климатические проблемы	8.8	18.9
«Страна бесконечно воюет, это не для меня»	5.6	8.1
Чувство одиночества в Израиле при наличии родных и близких в России или Украине	5.6	21.6
Не хотели чувствовать себя гражданами «второго сорта»	5.0	12.8
Израиль – это религиозно-националистическое государство, от которого стоит держаться подальше	3.1	-
Страной управляет антинациональная левая клика	1.3	-
Медицинские проблемы	0.6	-

Итак, на основании этих ответов можно сделать вывод, что невозможно назвать единственный ключевой «фактор», вытолкнувший людей из Израиля в Украину. Собранные в Украине данные показывают, что если взять за критерий мотивы и ожидания от эмиграции из Израиля, то структура «израильско-

го» сообщества в Украине распадается на 6 выраженных групп, подобных тем, которые мы выделили и в ходе исследования сообщества израильтян в России в 2008–2009 гг.¹⁶

Первая группа – это **реэмигранты**, выходцы из стран СНГ, прожившие некоторое время в Израиле и вернувшиеся (как они полагают, в полном смысле этого слова) в страну своего рождения, которую считают своей Родиной и основным местом жительства. Основная масса этих людей переехала в Израиль сравнительно поздно, прожила там сравнительно небольшое время и уже в Израиле прекратила (или вообще не начинала) экономическую деятельность. Поэтому наиболее типичные мотивы для возвращения реэмигрантов – это неудачная интеграция на первых порах, психологический кризис в связи с этим, и в результате – частое желание перечеркнуть израильский опыт целиком. Чаше, чем в Киеве и Днепропетровске, такие люди встречаются в провинциальных городах, откуда они, собственно, в разное время и репатриировались в Израиль. Так, среди респондентов Марины Саприцкой, которая проводила интервью с группой «возвращенцев» из Израиля в Одессу, была Нина, которая отнюдь не считала, что, переезжая в Израиль, она «возвращается на Родину». Напротив, это эмиграция из Одессы была в ее восприятии «отъездом из родного дома», и этот шаг дался ей очень непросто. Тем более что все 11 лет, которые эта женщина провела в Израиле, были, по ее словам, «периодом борьбы за экономическое выживание, сопровождаемой другими проблемами иммигрантской жизни, включая ностальгию и непривычный местный климат». В итоге она хотела оставить в прошлом свои израильские воспоминания, утверждая, что «вернулась уже в новое и незнакомое, но все же родное место»¹⁷.

К реэмигрантам следует отнести и людей, которые декларируют свое искреннее (а не как повод, чтобы оправдать отъезд) идеологическое неприятие Израиля как еврейского государства, его социально-экономической системы и/или культурной среды.

Все же число тех, кто мотивирует свое возвращение в Украину желанием вернуться на Родину, составляет менее 10% всех опрошенных. По сравнению с пилотным опросом 2009 г. значительно сократилось количество тех, кто считал себя в израильском обществе гражданином «второго сорта», а также тех респондентов, которых не устраивали бесконечные военные действия израильтян.

На первом месте среди причин переезда из Израиля оказались более широкие возможности реализовать свой потенциал в Украине, стремление начать бизнес или найти перспективную и хорошо оплачиваемую работу. Эта причина характерна для второй группы, членов которой мы назвали **трудовыми мигрантами**. Так, некоторые из наших респондентов объясняют свою эмиграцию из Израиля «выгодными и профессионально интересными деловыми предложе-

¹⁶ См.: Ханин и Эпштейн, «Израильтяне в России», 216–240.

¹⁷ Sapritsky, «Home in the Diaspora», 6.

ниями». Примеры таких предложений включают «работу на одном из украинских телеканалов», «должность бизнес-консультанта», возможность «устройства в качестве режиссера-постановщика» и т. д. А отдельные участники опроса указывают, что их возвращение связано с работой в еврейских организациях на территории Украины. Здесь стоит отметить, что 55% респондентов были удовлетворены своей зарплатой в Израиле, в то время как 83% из них довольны уровнем оплаты своего труда в Украине. Иными словами, основная масса представителей этой второй категории наших респондентов оставили Израиль отнюдь не потому, что не могли свести концы с концами, а потому, что в Украине их привлекли более широкие возможности реализовать свой потенциал.

Третья группа, **«профессиональные посланники»**, представлена функционерами и сотрудниками еврейских общин, а также международных и израильских еврейских организаций, и членами их семей. Наиболее значительна среди них группа сотрудников религиозных организаций, часть из которых принимает местное гражданство. Но среди них много и сотрудников «Джойнта», «Сохнута», представителей израильских государственных структур и общественных организаций (например учителей), а также командированных в СНГ сотрудников израильских компаний, часть из которых предпочитает видеть себя именно «посланниками», а не «лицами, отправившимися в Россию на заработки». По мнению Давида Мамиствалова, который на момент нашей с ним беседы работал израильским консулом в Харькове, «находящиеся в командировке в этом городе представители израильских фирм не считают себя *йордим*, но система их “портит” — они “вписываются в среду”, привыкают к месту, условиям и людям и “утопают” здесь»¹⁸. Тем не менее в большинстве случаев все эти люди, на продолжительное время связавшие свою жизнь с Украиной, Россией и другими странами СНГ и Балтии, не планируют оставаться там навсегда и практически ультимативно считают Израиль своей родиной и основным местом жительства.

Четвертая группа, **маятниковые мигранты** — это в основном израильские бизнесмены, которые работают в странах СНГ, однако постоянно бывают в Израиле, где нередко проживают их семьи. Такое миграционное поведение не является иммиграцией в точном смысле слова, потому что эти люди живут «на две страны». Причины, побудившие их вести «кочевой» образ жизни, чаще всего — так же, как и для второй группы — экономические, но эту группу характеризует более тесная связь с Израилем.

Яков Файтельсон, возглавляющий представительство Еврейского агентства в Киеве, утверждает, что практически никто из таких израильтян не отказался от израильского гражданства, и они продолжают разделять свое время между Израилем и странами СНГ. Причем в эту же группу Файтельсон включает и тех, кто следует «расширяющейся среди состоятельных евреев России и Украины моде покупать квартиры в Израиле — так, на всякий случай». В этом смысле

---

¹⁸ Персональное интервью, Харьков, 16 октября 2012 г.

категория «маятниковых мигрантов» включает и т. н. «дарконников» (от ивр. *даркон* — паспорт), которые фактически не живут постоянно ни в Израиле, ни в СНГ. Эти люди добивались израильского гражданства с единственной целью — чтобы получить заграничный паспорт, дающий право безвизового въезда во многие страны мира, в т. ч. и во все государства Западной Европы. «Несмотря на кажущуюся абсолютной фальшь подобной “израильскости”, — замечает бывший посланник «Сохнута» в Москве, а затем — исполнительный вице-президент Российского еврейского конгресса Велвл Чернин, — нельзя не отметить, что обладатели израильских паспортов последнего типа активнее проявляют себя на ниве местной еврейской общинной деятельности и более склонны к приобретению недвижимости в Израиле, чем те, кто не имеет израильского гражданства»¹⁹.

Пятая группа представлена теми, кто уехал из Израиля **по личным или семейным обстоятельствам**, связанным, например, с необходимостью ухаживать за оставшимися в России или Украине пожилыми родителями или с браками с украинскими гражданами, которые не пожелали переезжать в Израиль. Так, в ходе опроса, проведенного в Украине, немало наших респондентов-израильтян в качестве причины называли такие мотивы, как «желание провести старость под присмотром родных», «возвращение к семье сына», «уход из жизни отца, одиночество мамы».

Также в ходе нашего опроса респонденты довольно часто отмечали, что в Украине у них есть близкие и родные, а в Израиле, наоборот, они чувствуют себя одинокими.

Заметную долю среди этой категории составляет молодежь. Среди молодых иммигрантов, например, немало тех, кто сам или с подачи родителей решил завершить в России школьное или же получить высшее образование из-за языковых и прочих трудностей, которые возникли у них в Израиле с подготовкой к весьма сложным экзаменам на аттестат зрелости — *багрут*. (Последнее решение часто объясняется более привычной культурно-языковой средой или сложностями при поступлении на некоторые престижные факультеты ВУЗов в Израиле, например на медицинский.)

Среди других причин отдельное место занимают сложные климатические условия, что связано с состоянием физического здоровья респондентов. По сравнению с Россией в Украине выше доля тех, кто отмечает, что климат в Израиле не подходит для их здоровья. Это объясняется высокой, по сравнению с сообществом израильтян в России, долей лиц пожилого возраста. То есть здесь речь идет о людях, которые не столько ищут в Украине новых профессиональных и деловых опций, сколько просто стремятся вернуться в родные места.

Наконец, к группе эмигрантов **«по личным обстоятельствам»** можно отнести и группу преимущественно нерусскоязычных израильтян, которые переез-

¹⁹ Персональное интервью, Рамат-Ган, Израиль, ноябрь 2012 г.

жают в Россию или Украину без веских причин, в поисках «любви и приключений». По данным упомянутого Давида Мамиствалова, в подопечном ему регионе Восточной Украины в каждый момент времени находилось полтора-два десятка «израильских туристов», прибывших туда примерно с такими целями. Мотивы какой-то части этих *сабр* (т. е. уроженцев Израиля), вероятно, близки к мотивам аналогичной группы израильтян, которые довольно надолго застревают и в России. Один из наших респондентов, коренной израильтянин А. Йордени, который уже несколько лет живет и работает в СНГ, охарактеризовал их так:

Есть еще одна группа – влюбленные израильтяне. Их отношение к России претерпевает несколько стадий. Первая стадия – это неопределенный страх и интерес, что в России все не так, все по-другому. Потом бывает ощущение восторга, когда они видят, что в России есть полиция, есть власть, есть суд, и все как надо. Третья стадия – это какое-то сомнение, когда они видят, что власть – это не совсем власть, а более чем власть, судьи – не совсем судьи в том понимании, которое есть на Западе, полиция – тоже не совсем полиция. И последнее чувство – когда они с облегчением уже понимают, что они вырвались. Если вырвались.

Последнюю, шестую, группу составили те, кого мы условно назвали «**экономическими беженцами**». Эти люди уехали из Израиля не потому, что перед ними открылись новые горизонты, но вследствие элементарной невозможности свести концы с концами в Израиле.

Примером может служить рассказанная израильской журналисткой Инной Стессель история Евгения и Татьяны, семейной пары представителей «полторного поколения» русскоязычных репатриантов, которые выросли и получили образование в Израиле. По словам Евгения, непростое решение уехать в Киев из Израиля, где он живет с 16 лет, где закончил школу и Хайфский университет и отслужил в ЦАХАЛе, было принято вследствие того, что молодая семья не могла дальше жить в одной квартире с его родителями, а жизненные перспективы оставались неопределенными.

Снять или купить квартиру нам не по зубам. Фирма, где я работаю, вот-вот закроется. [Жена] Таня – художник-дизайнер, никак не могла устроиться, попыталась открыть магазин по продаже бижутерии, которую сама изготавливает, но прогорела. А помочь некому – мои папа и мама, сами знаете, еле концы с концами сводят, Танины родители в России. А в Киеве у папиного брата строительный бизнес. Он обещает и мне, и Тане работу. И потом, у нас там квартира, которую в начале девяностых, когда мы уезжали, продать не удалось. Своя квартира – вот что для нас главное. Остальное, надеюсь, приложится²⁰.

---

²⁰ Цит. по: Инна Стессель, «Люблю отчизну я, но странною любовью», *Kontinent Media Group* 22 (2 июня 2008), http://www.kontinent.org/article_rus_4849f8370271c.html.

Как можно заметить, экономические причины иммиграции этих израильтян в Украину нередко переплетаются с личными мотивами. Не массовый, но показательный пример такой ситуации привел директор одной из еврейских школ в Восточной Украине, который несколько лет назад принял на работу реиммигрантку: будучи незамужней матерью ребенка с особыми потребностями, она не смогла справиться с экономическими трудностями в Израиле²¹. Иной пример такого рода — пожилая пара репатриантов из крупного промышленного города Восточной Украины, которые после более чем десяти лет жизни в Израиле столкнулись, как пенсионеры, с экономическими трудностями и вернулись в город и страну исхода. В беседе со мной эти люди предпочли все же объяснять свой переезд не экономическими, а личными причинами: необходимостью сначала помогать, а затем быть под присмотром семьи живущей в этом городе дочери — местного еврейского общинного профессионала и инициатора успешных коммерческих и социальных проектов.

Итак, около трети обладателей израильских паспортов, которых мы опросили в Украине, покинули Израиль по личным и/или семейным причинам; около 36% эмигрировали, рассчитывая улучшить свое экономическое положение, остальные причины (идеологические, психологические, климатические, медицинские и т. п.) занимают более низкие места в рейтинге.

Экономическое и профессиональное положение израильских мигрантов в Украине

Если судить по содержанию немалого числа публикаций в израильской и российской прессе об израильтянах, которые ведут крупный бизнес в странах СНГ, то может сложиться ощущение, что группа израильтян здесь если и не целиком состоит из «олигархов», то, во всяком случае, в массе своей принадлежит к местному деловому сообществу. Однако этот чересчур стереотипный образ израильского иммигранта в бывшем СССР явно не отражает всю реальную картину. На практике представители деловой, политической, журналистской и профессиональной элиты составляют не более 7–10% от всех израильтян, работающих в России и Украине. Намного больше представителей другой категории, которую можно отнести к среднему классу. Она состоит из бизнесменов средней руки, менеджеров среднего звена, врачей, высококвалифицированных инженеров, официально приглашенных в страны СНГ ученых и консультантов, чей труд оплачивается по специальным расценкам, и других неплохо, по местным меркам, устроенных специалистов²². Сюда же можно отнести и представителей руководящего звена местных и международных еврейских организаций и общин.

---

²¹ Персональное интервью, октябрь 2012.

²² Александр Шпунт, «Несколько отраслей российской экономики держатся на труде экспатов», *Центр политического анализа*, 15 июля 2013, <http://tass-analytics.com/opinions/384>.

Но среди живущих в СНГ израильтян достаточно много и тех, кто имеет более низкий социальный и профессиональный статус, с соответствующей этому статусу не слишком высокой оплатой труда. Среди них – учителя, «рядовые» инженеры и техники, квалифицированные рабочие, работники сферы обслуживания, журналисты и деятели культуры не из «первого ряда», офисные служащие, владельцы мелкого бизнеса и т. д. Наконец, заметную долю эмигрантов составляют и группы с самым низким уровнем доходов: рабочие низкой квалификации, учащиеся и пенсионеры.

Невозможно точно определить долю каждой из выделенных категорий израильских иммигрантов в Украине и СНГ – хотя бы потому, что большинство из них, как уже упоминалось, нигде не зарегистрированы в качестве «возвращенцев»: ни в израильских консульствах, ни в местных иммиграционных органах. Да и о самой их численности идут бесконечные дискуссии. Приведенная ниже таблица описывает социально-профессиональную структуру участников наших опросов в России и Украине, которая, как нам представляется и как полагают опрошенные нами эксперты, примерно соответствует общей картине.

*Таблица 3. Профессиональная структура выборки:
сравнение израильтян в России и Украине*

Социально-профессиональные группы	Россия	Украина
	%	%
Бизнесмены	10.1	19.4
Старшие специалисты, менеджеры, госслужащие	17.2	10.2
Инженеры, техники	4.1	9.7
Медицинские работники	3.6	4.2
Преподаватели, научные работники	7.1	4.2
Работники культуры и искусства	10.7	5.6
Рабочие, работники торговли и сферы обслуживания	6.9	8.3
Посланники израильских/международных еврейских организаций	4.1	2.8
Работники местных еврейских общинных организаций	11.2	6.3
Учащиеся, студенты	16.0	6.9
Пенсионеры и другие	10.2	20.8

Как можно заметить, среди «украинских израильтян» заметно больше бизнесменов, чем в России (явно за счет мелких и средних предпринимателей). Больше и пенсионеров, вернувшихся в те города, откуда они какое-то время назад репатриировались в Израиль. Из опрошенных нами израильтян в Украине почти половина (44 %) не смогла определиться с ответом. Чаше других не могут уверенно говорить о своих планах профессиональной социализации в Украине респонденты предпенсионного возраста – старше 55 лет, с полным высшим образованием. При этом более трети опрошенных планируют заниматься

частным бизнесом или коммерческой деятельностью, а каждый пятый собирается работать по найму.

В России, принявшей не столько «возвратных мигрантов» в родные города, сколько израильтян, которые совершили вторую иммиграцию в крупные индустриальные, деловые и культурные центры, намного больший, по сравнению с Украиной, удельный вес специалистов и менеджеров высокой квалификации, учащихся (особенно студентов, поступающих в престижные российские ВУЗы). А также профессионалов, трудоустроенных в намного более мощных, чем в Украине, еврейских общинных, особенно «зонтичных», организациях, — и, что естественно, работников сферы культуры и искусства.

В свете этих данных не удивительны различия между израильтянами, живущими и работающими в России и Украине. В первом случае доля тех, кто полностью удовлетворен и в целом удовлетворен своим нынешним материальным положением, была соответственно в полтора и в два раза выше доли тех, кто был полностью и в целом удовлетворен своим материальным положением в Израиле. А вот в среде «возвращенцев» в Украину степень удовлетворенности, по сравнению с оценкой собственной жизни в Израиле, практически не изменилась.

Таблица 4. Удовлетворенность материальным положением в Израиле и по возвращении в Россию и Украину

Уровень удовлетворенности	Россия, %	Украина, %
<i>В Израиле</i>		
Вполне удовлетворен	16.9	22.4
В целом удовлетворен	38.1	46.9
Не удовлетворен	32.5	23.8
<i>После эмиграции</i>		
Вполне удовлетворен	31.3	20.5
В целом удовлетворен	51.9	49.3
Не удовлетворен	15.6	30.1

Национальная и религиозная идентичность

Кроме этого, на эмиграционных настроениях сказывался также национальный состав семьи. У почти половины респондентов еще перед эмиграцией в Израиль все члены семьи были евреями, а у 40 % евреем был один из родителей. Примерно такой же оказалась и структура «возвратной миграции» израильтян в Украину. По данным нашего опроса, у более половины респондентов все члены их семей являются евреями, а в среднем у трети участников опроса евреем является один из родителей.

Отметим, что, согласно отчету Центрального статистического бюро, доля лиц смешанного и нееврейского происхождения среди покидающих Израиль репатриантов из стран СНГ более чем вдвое превышает количество эмигрирующих

«галахических» евреев²³, хотя в абсолютных цифрах это число не слишком велико. В нашей российской выборке израильтян вес неевреев по Галахе был не столь значителен — порядка 37%, что все же примерно на четверть больше, чем доля лиц нееврейского и смешанного происхождения в русско-еврейской общине Израиля. Но исследование, которое мы провели в Украине, показало, что доля лиц смешанного и нееврейского происхождения в возвратной миграции сюда составляет 27%, т. е. примерно соответствует их доле в составе русскоязычной общины Израиля на рубеже прошлого и нынешнего веков. На первый взгляд, это не трудно объяснить тем, что доля реиммигрантов, которые возвращаются в свои родные места в Украине (здесь, по данным нашего исследования, родилось преобладающее большинство как живущих в Украине израильтян, так и их родителей) выше, чем среди израильтян в России. Среди последних, как отмечалось, доминируют не «возвратные мигранты», а те, кто фактически совершил новую эмиграцию в крупные индустриальные и культурные центры РФ (и этим же, кстати, объясняется и более молодой состав местной «израильской» общины по сравнению с Украиной). Но очевидно, что столь существенные «региональные» различия в этнической структуре эмиграции русских израильтян требуют дополнительно проверить причины этого феномена.

Преобладающее большинство наших респондентов в Украине отметили, что ощущают себя в наибольшей степени евреями, а менее всего — русскими. Что касается уровня религиозной идентичности, то религиозными людьми себя признают немногим более четверти респондентов (26%). Вместе с тем вне зависимости от уровня религиозности большинство считает «своим» вероисповеданием иудаизм (в среднем 57%). Отметим, что подобная этно- и религиозно-идентификационная структура характерна и для общины выходцев из бывшего СССР в Израиле.

Израильские сообщества и их участие в деятельности еврейских организаций в Украине

Как и в ряде других случаев, самоорганизация сообществ израильтян в Украине по ряду параметров близка к ситуации, имеющей место и в иных частях «израильской диаспоры». Особую роль в этом смысле играет наличие развернутых социально-общинных сетей, которые, как и в других местах, играют для живущих в СНГ израильтян роль средства «отграничения» (self-exclusion) от окружающей социальной среды.

Эксперты отмечают два уровня объединения и «общинного поведения» сообществ(а) израильтян в странах СНГ. Базовым элементом этих групп являются пересекающиеся личные контакты и горизонтальные связи, которые образуют звенья более широких социальных сетей — как физических, так и

---

²³ Данные отчета, который передал представитель Центрального статистического бюро Комиссии Кнессета по алии и абсорбции, приведены по статье: Miri Khasson, “Yordim mi-haarets: Pi-5 yoter olim me-vatikim,” *Ynet*, October 25, 2006, <http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-3319369,00.html>.

виртуальных (интернет-сообщества и т. д.). По мнению наших экспертов, локальные неформальные объединения *йордим* чаще всего складываются во-круг совместной работы, службы в армии и другого совместного опыта, полученного в Израиле.

Интересную картину складывания таких групп представил нам в 2012 г. Давид Мамиствалов. По его данным, внутри состоящего из примерно 200 семей (т. е. 500–700 человек) сообщества израильтян в Харькове существует несколько категорий, весьма близких к тем категориям израильских иммигрантов в странах СНГ, которые выделили мы. В каждой из этих категорий существует свой механизм самоорганизации. Первая группа – это 25–30 «посланников» различных израильских коммерческих организаций и члены их семей, в массе своей – родившиеся в СССР и уехавшие в Израиль в юном возрасте, где они провели 5–10 лет. Члены этой группы живут довольно замкнуто, встречаются редко, вне своей группы общаются в основном с такими же, как они, коммерческими представителями западных фирм из США, Канады, стран Европы и т. д., но «не с местными евреями». Их еврейская и израильская идентификация проявляется в одно-двукратном в месяц посещении синагоги, без какого бы то ни было заметного участия в жизни еврейской общины.

Вторая группа – члены 120–130 семей, относящихся к двум группам, которые Мамиствалов предпочел объединить в одну категорию – «вернувшихся в Харьков по личным и экономическим причинам». Многие из них, получив образование и в СССР или СНГ, и в Израиле (и пользуясь поэтому популярностью среди местных работодателей), работают учителями, бухгалтерами, конторскими служащими среднего звена или имеют мелкие бизнесы. Для подавляющего большинства из них мотивами для переезда в Харьков были либо ребенок, «которого не могли прокормить», либо больные родители (за которыми нужно было ухаживать здесь или которых нужно было «вывезти» из Израиля), развод, связанный с потерей имущества в Израиле, и т. д.

Основная масса представителей этой группы, по утверждениям Мамиствалова, – «нормативные евреи», которые пытаются наладить связь с местными еврейскими организациями: синагогой, представительствами ЕА, Израильским культурным центром и местными еврейскими организациями – а также жертвуют на нужды и видят себя активной частью харьковской еврейской общины, где они образуют своего рода «встроенный израильский компонент». Там к ним, по тем же данным, примыкает и часть бывших участников программ НААЛЕ и СЭЛА, которые по разным причинам решили не оставаться в Израиле, а также, назовем их так, «потенциальные израильтяне». Речь идет о местных молодых евреях – выпускниках израильских образовательных программ («Таглит», «МАСА», семинары молодых лидеров и т. п.), которые четко идентифицируют себя с Израилем, изучают иврит и принимают активное участие в произраильских мероприятиях.

Третья группа – это несколько десятков семейных, одиноких или разведенных израильских *сабр* 25–40 лет, среди которых есть и уроженцы Израиля из семей

«русских сефардов». Эти люди в основном прибыли в Харьков заниматься мелким бизнесом (фалафельные, мастерские, кафе, торговые лавки и т. д.), который дает им сравнительно приличный, по местным меркам, доход (от 4 до 8 тыс. долларов в месяц). Члены этой группы, явно относящиеся к категории трудовых мигрантов, свободно владеют ивритом и изъясняются с окружающими на ломаном русском языке. Они общаются почти исключительно в своей среде — если не считать какого-то числа примыкающих к ним бывших участников израильских программ для молодежи еврейской диаспоры НААЛЕ и СЭЛА. Они встречаются по очереди в помещении предприятий или на квартирах участников группы, где проводят встречи субботы, готовят израильскую еду, а на исходе субботы смотрят израильские фильмы. Способом укрепления их внутригрупповой идентичности и социального отграничения от внешней еврейской и нееврейской среды является также готовность посещать магазины и кафе, которые держат социально и культурно близкие к ним выходцы из Ливана, Ирана и других исламских стран. (Это отличает их от представителей второй группы, которые такие заведения принципиально бойкотируют.) За исключением посещения синагоги в субботу и праздничные дни, участие в местных еврейских социальных сетях и контакты с официальными общинными структурами у членов этой группы минимальны.

Наконец, четвертую группу образуют два-три десятка израильтян — трудовых и «маятниковых» мигрантов из числа состоятельных предпринимателей (в таких сферах, как строительный бизнес, торговля недвижимостью и промышленное производство), а также ведущих специалистов и топ-менеджеров крупных фирм, тесно связанных между собой системой личных и профессиональных отношений. Эти израильтяне, которые предпочитают записывать детей в местные еврейские детские сады и школы, активно вовлечены (в том числе и в качестве крупных и регулярных спонсоров) в деятельность местных еврейских организаций. А также, в силу деловых и профессиональных интересов, в систему формальных и неформальных отношений с властями города и различными еврейскими и нееврейскими кругами.

Из этого примера следует, что в характеристике групп, которые формируются в рамках различных категорий *йордим* и образуют базовый уровень инфраструктуры «израильского сообщества» в странах СНГ, присутствует два важнейших параметра. Это, с одной стороны, различные варианты внутригрупповых отношений, и, с другой, модели взаимодействия с различными уровнями внешней среды: израильтянами, живущими в данном городе или регионе, местной еврейской общиной (в обоих пониманиях этого слова — как статистической категории и как организованной институции) и местным населением в целом.

Практически все опрошенные представители категории реэмигрантов среди израильских *йордим* в Украине говорили, что общаются преимущественно с местными жителями. Это естественно в свете представления этой группы, что они, разочаровавшись в Израиле, не эмигрировали, а «вернулись на Родину» — как они полагают, навсегда — обладают пониженным уровнем еврейского и из-

раильского самосознания и не желают, судя по всему, иметь ничего общего ни с евреями, ни с другими израильтянами. Характерный пример этой ситуации — немолодая одесситка Нина, которая вернулась в родной город после 11 лет жизни в Израиле (ее историю приводит в своем очерке о реэмигрантах из Израиля в Одессе Марина Саприцкая). По ее словам, не считая спорадического посещения клуба евреев-пенсионеров «Гмилус Хесед», Нина не принимала участия в еврейской жизни города и не идентифицировала себя с еврейством никаким иным из многих способов, доступных сегодня для евреев в Одессе²⁴.

Что касается остальных пяти категорий израильских иммигрантов, в идентичности которых еврейские и израильские компоненты доминируют над русскими или украинскими, то значительное большинство среди них составляют те, кто заявил, что общается со всеми местными жителями. В данном случае это, понятно, не исключает и местных евреев, а также живущих в России израильтян. В свою очередь, среди «посланников» абсолютно доминируют те, кто общается преимущественно с местными евреями — что также понятно для людей, значительная часть которых должна это делать «по долгу службы». Но вовлеченность в контакты с местным еврейским населением и, что часто связано, в дела местных еврейских общин и в развернутые вокруг них сети личных, профессиональных и культурных связей заметна и среди других категорий *йордим*.

О степени их вовлеченности в деятельность еврейской общины или еврейских организаций в Украине, а также об уровне поддержки здесь израильских мероприятий, можно судить по данным нашего опроса. Для части опрошенных такое участие скорее можно охарактеризовать как «латентную активность»: 29% респондентов не участвуют в деятельности еврейской общины / еврейских организаций (хотя часть из них «готовы взвесить предложения»); а постоянно участвуют в такой деятельности 35%, и еще такова же доля тех, кто это делает «время от времени».

Таблица 5. Уровень социальной активности респондентов

Уровень участия	%
<i>в деятельности еврейской общины / еврейских организаций</i>	
Постоянно	35.4
От случая к случаю	35.4
Не участвую вообще	28.6
Нет еврейской общины	0.7
<i>в произраильских мероприятиях в Украине</i>	
Регулярно	14.6
От случая к случаю	17.4
Не участвую, но если обратятся, наверное, не откажусь	51.4
Нет, меня это не интересует	16.7

²⁴ Sapritsky, “Home in the Diaspora?” 6.

Практически все участники опросов имеют в своем украинском городе синагогу. При этом регулярно или по субботам синагогу посещает лишь 20 % опрошенных, и еще 18 % посещают синагогу по праздникам. Но более половины респондентов достаточно редко или вообще не посещают синагогу.

В целом можно выделить целый ряд параметров, которые определяют круг общения и публичной активности респондентов, включая интересующую нас тему – взаимоотношения с местными евреями и вовлеченность в деятельность еврейских организаций и общин. Есть и иные факторы такого участия, как связанные с мотивами переезда, так и не связанные с ним.

Как показывает практика, присутствуя в том или ином качестве на еврейском общинном поле, живущие в Украине и России израильтяне руководствуются одним или целой комбинацией «инструментальных» (прагматических) и/или «автономных» (нематериальных) социо- или эгоцентристских соображений. Этот спектр достаточно широк и включает в себя интерес к адекватным рамкам выражения этнических религиозных и культурных сантиментов, канал приобретения или сохранения социального статуса, способ реализации лидерских амбиций, поиска клиентов или инвесторов для своих коммерческих проектов и другие соображения разного рода.

Другим параметром является социально-географический – пребывание *йорда* в городе, который является центром культурной и экономической активности и/или в котором существует значительная еврейская община. Понятно, что возвращение человека в родной периферийный город или новая эмиграция в столичный центр тоже в ряде случаев возвращают нас к мотивам эмиграции – равно как и еще один параметр, влияющий на выбор круга общения – степень владения ивритом.

Согласно полученным нами данным, наиболее высокий уровень владения приходится на русский. При этом в пилотном исследовании 2009 г. респонденты в равной степени владели как ивритом, так и украинским языком. Во втором опросе уровень владения украинским оказался выше, чем ивритом. В любом случае, именно русский и иврит являются главными языками в коммуникации с израильским обществом. Что же касается украинского языка, то высокий уровень владения им позволяет оптимально использовать медийное пространство и межличностную коммуникацию в Украине, тем самым способствуя социализации в украинское общество.

Фактором общинной принадлежности могут быть и социально-демографические, в первую очередь возрастные параметры. Так, в Одессе, по сведениям Марины Саприцкой, пожилые «возвращенцы» всего лишь пытаются как можно незаметнее вернуться в свою старую жизнь и, как правило, избегают всего связанного с официальным подтверждением их национальной принадлежности (кроме случаев, когда это нужно для получения социальных пособий, например пенсии). Большинство молодых «возвращенцев» стремятся не забывать иврит и принимать участие в еврейских праздниках и часто находят работу в

еврейских организациях, хотя другие представители этой возрастной группы предпочитают оставаться на периферии еврейской деятельности. Поведение людей среднего возраста в значительной степени определяется характером их работы и семейными обстоятельствами. Некоторые, ставя во главу угла свои карьерные соображения, используют еврейские организации как «сеть», чтобы выходить на потенциальных клиентов; другие, не видя никаких преимуществ от участия в их деятельности, не считают нужным искать в своем плотном ежедневном графике место для еврейских мероприятий. Для семей, чьи дети стали учениками еврейских школ, еврейская активность иногда тоже становилась нормой, благодаря которой родители начинали принимать более деятельное участие в общинной жизни, в то время как другие из-за отсутствия времени или интереса предпочли этим не заниматься. Причем встречаются случаи, когда это размежевание, обусловленное возрастными различиями и жизненными планами, происходит в рамках одной семьи²⁵.

Понятно, что подобная ситуация встречается и в других — вероятнее всего, в первую очередь провинциальных (по сравнению с Киевом) — городах Украины. Однако у нас недостаточно данных, чтобы утверждать, что возрастной, гендерный или другие подобные различия являются столь же универсальным фактором отношений *йордим* с местным еврейским населением и его общинными институтами, как и мотивы переезда израильтян на временное или постоянное жительство в СНГ.

Среди участников проведенных опросов нет единого мнения по поводу того, как относительно оптимально организовать образование детей израильтян, живущих в СНГ, в том числе в Украине. По данным двух опросов в среднем 40 % считают, что родителям следует отдавать детей в школы, которые дают хорошее образование по общеобразовательным предметам, а национальный характер школы и язык преподавания являются второстепенными. По сравнению с первым опросом стало меньше тех, кто высказывается за возможность дать детям образование на иврите по израильским программам обучения (24 % против 18 %). При этом фактически не изменилась доля респондентов, которые поддерживают формальное еврейское образование детей израильтян в местных еврейских школах СНГ (16 % против 18 %).

На то, какой вариант организации образования детей выбирают респонденты, влияет их религиозность, в нашем случае — частота посещения синагоги. Так, в основном поддерживают формальное еврейское образование или обучение на иврите по израильским программам те, кто регулярно или по субботам посещает синагогу. Ориентация на качественное образование вне национального характера школы и языка преподавания характерна, прежде всего, для тех, кто изредка или вообще не посещает синагогу (т. е. для малорелигиозных респондентов).

---

²⁵ Ibid., 8–11.

Суммируя, можно отметить, что в самом общем плане жизнь большинства израильтян в Украине, России и других странах СНГ идет в трех общественных плоскостях. Экономическую и профессиональную деятельность они осуществляют в рамках местного общества, и лишь в малой степени – в рамках местных еврейских общин. Еврейская этническая и религиозная идентификация *йордим* и их общественная деятельность, как правило, реализуются посредством организованного еврейского движения и его институтов. А значительная часть личного и группового культурного пространства функционирует в рамках сообществ(а) израильтян, не отделенных в большинстве случаев от внешней еврейской и нееврейской среды жесткими рамками, но снабженных определенными «ограничительными» характеристиками.

Иными словами, «общинное отграничение» израильтян в Украине не является жестким, и, в отличие от ситуации в Северной Америке, эти сообщества во многом институционализированы в рамках структур еврейской общины, где *йордим* (особенно «дарконники») часто играют лидирующую роль. Что же касается собственных объединений израильтян в Украине, то, за исключением показательных, но единичных структур (типа формализованных объединений израильских студентов в Киеве и Одессе, которые отметила Марина Саприцкая²⁶), они носят преимущественно неформальный и полуформализованный характер и чаще всего ограничиваются кругом из максимум нескольких десятков человек.

Эмиграционные настроения

Как же можно в свете этих и иных данных заключить, насколько живущие в Украине обладатели израильских паспортов готовы вернуться в Израиль? Ответ на этот вопрос связан, на наш взгляд, с тремя основными обстоятельствами: степенью социализации иммигрантов в украинском обществе, наличием социальных «якорей» (таких как семья, хорошая работа, собственность и украинское гражданство), а также наличием соответствующих «притягивающих» факторов в самом Израиле.

Для социализации в украинском обществе положительное значение имеет межличностная коммуникация преобладающей части респондентов со всеми местными жителями, невзирая на их происхождение и национальную принадлежность. Также большинство участников опросов отметили, что постоянно живут в Украине, причем у большинства респондентов в Украине постоянно проживают также и их семьи.

Для сравнения отметим, что израильские эмигранты в России разделились на две примерно равные группы: у 47% из них в Израиле остались близкие родственники, а семьи 53% постоянно живут в России. В этом смысле «укорененность» израильских иммигрантов в Украине оказалась существенно выше, чем в России.

---

²⁶ Ibid., 5, footnote 9.

Таблица 6. Самостоятельное определение постоянного места жительства

	В Израиле	В СНГ	«И здесь, и там»	Затруднились ответить	Всего %
	%	%	%	%	
В какой стране Вы постоянно живете?					
Российская выборка	1.9	70.4	21.4	6.3	100
Украинская выборка ²⁷	4.8	63.9	21.3		100
В какой стране постоянно живет Ваша семья?					
Российская выборка	14.6	53,2	32.3	—	100
Украинская выборка ²⁷	8.8	67.4	23.6		100

Следующим объективным критерием является наличие или отсутствие у израильтян за границей местного гражданства. Сравнительный анализ двух опросов в России и Украине показал, что гражданство либо вид на жительство имеют соответственно примерно 69% и три четверти наших респондентов. Отметим, что, в отличие от израильтян в странах Запада, у которых стремление получить вид на жительство или гражданство страны пребывания, как правило, свидетельствует о намерении остаться там надолго или навсегда, российский или украинский паспорт чаще всего воспринимается как не более чем инструмент решения прикладных вопросов: трудоустройства, открытия бизнеса, «оптимизации» налогообложения, решения бытовых проблем и т. д. Однако заслуживает отдельного внимания тот факт, что равное число респондентов считает Украину и Израиль в полной мере своей страной. (В российской выборке 40% считали такой страной Израиль, 35% – Россию, и еще четверть – обе страны одновременно.)

Исследования показывают, что среди мотивов для возвращения израильтян, живущих за рубежом, основную роль чаще всего играют семейные и эмоциональные связи с Израилем и во вторую очередь – возможности профессионального трудоустройства. (Принято считать, что второе обстоятельство служит дополнительным фактором, позволяющим практически реализовать эмоционально-личностные мотивы.) Наш анализ показал, что в отношении израильтян, которые живут и работают в Украине и России, эта зависимость скорее обратная.

Так вернуться ли они? Вновь сравним ситуацию в России и Украине. Примерно пятая часть наших респондентов в обеих странах были уверены, что в будущем вернуться в Израиль. Но если лишь 14% наших российских респондентов сказали, что в Израиль не вернуться, в Украине были намерены оставаться уже 38% опрошенных там израильтян. Самую большую группу живущих в России израильских эмигрантов составляют те, кто не исключает возможности вернуться когда-нибудь в будущем или видит в этом опцию на случай экстренной си-

²⁷ В данных по украинской выборке не учтены респонденты, которые затруднились ответить.

туации. Их доля оказалась вдвое большей, чем у израильтян, живущих в Украине – более 70 против 38 %. Все это еще раз показывает, что доля тех израильтян, которые вернулись в свои родные города, в Украине существенно выше, чем в России, где в израильской общине доминируют временные трудовые мигранты.

Какие же мотивы могут побудить респондентов вернуться в Израиль? Участникам опроса было предложено из девяти вариантов выбрать не более трех основных причин. Их рейтинг приведен в сравнении ответов респондентов в России и Украине.

Таблица 7. Основные причины возможного возвращения в Израиль

Основные причины	Россия		Украина	
	N	% / рейтинг	N	% / рейтинг
Причин, которые бы заставили меня вернуться, пока не вижу	61	36.5 (1)	45	32.8 (1–2)
Если увижу для себя профессиональные возможности и перспективы	57	34.1 (2)	45	32.8 (1–2)
Вернусь в любом случае	38	22.5 (3)	27	19.7 (3)
Если почувствую, что я Израилю действительно нужен	14	8.4 (4)	25	18.2 (4)
Если мне будут представлены соответствующие материальные пособия и льготы	12	7.2 (5)	18	13.1 (5)
Если замечу существенное улучшение экономической ситуации	9	5.4 (6)	17	12.4 (6)
Вернусь, если у власти там будут люди, которым я могу доверять	7	4.2 (7)	–	–
Вернусь, если в Израиле улучшится положение в сфере безопасности	4	2.4 (8)	–	–
Мое условие – прекращение дискриминации репатриантов со стороны старожилов	2	1.2 (9)	5	3.6 (7–9)

Можно заметить, что как у наших украинских, так и у российских респондентов сложился сходный рейтинг возможных мотивов, чтобы вернуться в Израиль. Это говорит о том, что при всех внутренних различиях между этими двумя подгруппами израильских иммигрантов в СНГ они в этом смысле являются частями единого сообщества.

И в том, и в другом случае самыми большими категориями являются те, кто пока не видит причин, чтобы вернуться в Израиль. У тех же, кто теоретически или практически взвешивает такую возможность, по данным двух опросов, основной мотив возможного возвращения в Израиль связан с улучшением перспектив для профессиональной самореализации. И именно этот мотив был одним из определяющих для переезда из Израиля в Украину (см. таблицу 1).

Приведенные в таблице данные подтверждают наш вывод, что если эти люди увидят возможность реализовать свой потенциал в Израиле, они будут всерьез рассматривать возможность возвращения. Этому не препятствуют никакие сильные отпугивающие факторы за исключением ощущения низкого «стеклянного потолка». При этом существует заниженная мотивация возвращения, связанная с улучшением экономической ситуации и материальной поддержки в Израиле. Особое внимание обращает на себя минимальное число респондентов, которые говорят, что, могут вернуться, если израильские старожилы прекратят их дискриминировать. Вопреки тому, что принято думать и писать, отъезд русскоязычных израильтян не спровоцирован ни арабским террором, ни давлением раввината. Эти факторы в реальности имеют лишь периферийное значение.

Наше исследование также показало, что финансовая и прочая поддержка, которую государственные структуры Израиля готовы оказать возвращающимся в еврейское государство израильтянам, не столько является основной причиной возможного переезда, сколько может стать дополнительным фактором влияния на тех, кто колеблется с окончательным решением. В связи с этим приходится признать, что и в плане «потенциала возвращения» израильские иммигранты в странах СНГ — не единая категория. В первую очередь могут вернуться в Израиль школьники и студенты, для которых отъезд не был собственным решением. Другой группой, мобильной по роду своей деятельности, а значит, потенциально способной вернуться в Израиль, являются бизнесмены и специалисты, которые приехали в Украину на заработки. На их миграционные планы влияет экономическая конъюнктура места, где находится их бизнес. Экономический кризис в СНГ с высокой степенью вероятности вернет большинство из них в Израиль.

В то же время можно выделить группы, однозначно потерянные для Израиля. В основном это реэмигранты — люди зачастую с резко негативным опытом жизни в Израиле или же те, кто на самом деле никогда не собирался жить в этой стране. Что же касается тех, кто планирует когда-либо вернуться в Израиль, то у каждой конкретной категории *йордим* можно выделить свои «узкие критерии» для возможного возвращения. Свои побудительные мотивы — у студентов; свои — у семей, которые вернулись, потому что считают, что дети должны учиться в Израиле. Свои мотивы у родителей, которые возвращаются в Израиль с сыном или дочкой, решившими отслужить в израильской армии. Что же касается профессионалов — врачей и медсестер, воспитательниц детских садов, учителей и прочих, кто, прожив много лет за границей, оторвался от своей профессиональной деятельности в Израиле — то возможности профессиональной реабсорбции для них всегда будут на первом месте.

Bibliography

- Fishkoff, Sue. "Tales from the Pale. Russian Jews Returned from Israel Help Galvanize Jewish Community Life." *Jewish Telegraph Agency (JTA)*, August 27, 2004. <http://www.jta.org/2004/08/27/archive/tales-from-the-pale-russian-jews-returned-from-israel-help-galvanize-jewish-community-life-2>.
- Khanin, Vladimir (Ze'ev), Chernin, Velvl, and Epstein, Alek D. *Kehilot ha-israelim ba-brit ha-moetsot le-sheavar: Ha-diiukan ha-hevrati-tarbuti shel kivunei ha-hagira. Mekhkar haluts*. Ramat-Gan: Merkaz Rappaport, March 2010.
- Khasson, Miri. "Yordim mi-haarets: Pi-5 yoter olim me-vatikim." *Ynet*, October 25, 2006. <http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-3319369,00.html>.
- Nahornyi, Serhii, and Nahornyi, Denys. "Shchokhvylyny v Ukraini perebuvauiut' 45 tysiach izrail'tian." *Hazeta po-ukrains'ky*, June 11, 2013. http://gazeta.ua/articles/comments-newspaper/_sohvilini-v-ukrayini-perebuvauiut-45-tisyach-izrayil'tyan/501442/.
- Revhun, Uzi, and Popko, Israel. *Rekhokim krovim: ha-hagira, hizdahut yehudit ve-zika le-moledet ba-kerev israelim ba-huts la-arets. Duakh mekhkar*. Jerusalem: Makhon la-yahadut zmaneinu al shem Hartman, July 31, 2010.
- Sapritsky, Marina. "Home in the Diaspora? Jewish Returnees and Trans-migrants in Ukraine." Paper presented at the International Conference "Contemporary Russian-Speaking Jewish Diaspora," Harvard University, November 13–15, 2011.
- Sheffer, Gabriel. "The Emergence of New Ethno-National Diasporas." In *Sociology of Diaspora: A Reader*, edited by Ajaya Kumar Sahoo and Brij Maharaj. New Delhi: Pawat Publications, 2007.
- Shpunt, Aleksandr. "Neskol'ko otraslei rossiiskoi ekonomiki derzhatsia na trude ekspatov." *Tsentr politicheskogo analiza*, July 15, 2013. <http://tass-analytics.com/opinions/384>.
- Stessel', Inna. "Liubliu otchiznu ia, no strannoiu liubov'iu." *Kontinent Media Group* 22 (June 2, 2008). http://www.kontinent.org/article_rus_4849f8370271c.html.
- Tol'ts, Mark. "Postsovetskaia ievreiskaia diaspora: noveishiie otsenki." *Demoscope Weekly* 497 (2012): 21. <http://www.academia.edu/4659168/>.